

В38.789

«ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО».

1748

№ 2.

С. П. Мельгуновъ.

Какъ создалась въ Россіи

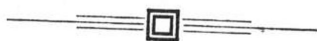
21

государственная церковь.

48635
2220

9

38789

МОСКВА.

Тип. Т-ва «ЗАДРУГА». Воздвиженка. Крестовоздвиженскій пер., д. 9.
1917.

Какъ создалась въ Россіи государственная церковь.

Какъ создалась въ Россіи національная государственная церковь?

Зародыши ея лежать еще въ той отдаленной эпохѣ, когда впервые мелькнулъ свѣтъ исторіи для русскаго государства. Молодая русская жизнь, прикованная многообразными связями къ Византіи, откуда она получила свою цивилизацію, первые зачатки политическихъ, гражданскихъ и общественныхъ отношеній, естественно должна была подчиниться греческому авторитету. Духовная побѣда Византіи ознаменовалась водвореніемъ византійскихъ идей и въ русской церкви, до XV в., подчиненной константинопольскому патріархату — идей цезаро-папизма.

Если на Западѣ религиозно-политическія доктрины панства, пытавшіяся осуществить «Царство Божіе» на землѣ путемъ созданія гигантской всемірной монархіи на теократическихъ началахъ, при столкновеніи съ жизнью терпѣли неудачи и сводились, въ концѣ-концовъ, къ проповѣди тѣснаго союза между церковью и государствомъ, принципа равноправія, выразившагося наиболѣе ярко въ ученіи о двухъ мечахъ: духовномъ, принадлежащемъ папѣ, и свѣтскомъ — государю, то въ Византіи въ силу особыхъ условій церковно-политической жизни, не благопріятствовавшихъ въ общемъ развитію самостоятельнаго могущества церкви, идеи, ставящія „святительство“ выше „царства“, не могли привести къ антагонизму съ государствомъ, и выливались въ жизни скорѣе въ форму подчиненія церкви государству: византійскій императоръ, умѣло эксплуатируя въ свою пользу авторитетъ духовной власти, являлся на дѣлѣ не только пассивнымъ блюстителемъ неприкосновенности вѣры и защитникомъ церковныхъ интересовъ, но и активнымъ ея устроителемъ, ея официальнымъ представителемъ.

Въ такой формѣ византійская система государственной религіи была воспринята и въ Россіи, гдѣ церковь съ самаго начала стала подъ непосредственное покровительство свѣтской власти. Лѣтописи

свидѣтельствуютъ памѣ, что княжеская власть издревле вмѣшивалась въ церковныя дѣла: она распоряжается учрежденіемъ епископскихъ кафедръ и замѣщеніемъ вакантныхъ, по ея приказанію совершаются такіе церковные акты, какъ перенесеніе мощей и канонизація святыхъ; она, наконецъ, изгоняетъ перѣдко неугодныхъ ей представителей тогдашней церкви, митрополитовъ и т. д. Естественно, впрочемъ, что на первыхъ порахъ при политической раздробленности Руси и слабости государственной власти, княжеская воля не могла фактически имѣть слишкомъ большого вліянія на дѣла вѣры; поэтому нравственный авторитетъ представителя духовной власти, санкціонированный еще высшимъ авторитетомъ византійскаго императора и патріарха, въ глазахъ современнаго общества стоялъ высоко и независимо. Церковь, какъ наиболѣе яркое воплощеніе религіозно-моральнаго единства, при раздробленности государства являлась представительницей „всѣя Руси“, носительницей идеи національнаго объединенія.

Съ поворотомъ русской политической жизни на новый путь эти отношенія государства и церкви постепенно измѣняются. Возвышеніе Москвы и объединеніе около нея удѣльныхъ княжествъ происходятъ при дружественномъ взаимодействіи представителей свѣтской и духовной власти, при чемъ идея религіознаго единства служитъ средствомъ для оправданія завоевательной политики московскаго князя, для оправданія его не всегда благовидной политики „примысловъ“. По мѣрѣ того, какъ подъ властью московскаго князя объединяется вся русская народность и московское княжество превращается въ російское царство, — представитель его возводится въ рангъ самодержцевъ, и теорія московскихъ книжниковъ дѣлаетъ его законнымъ преемникомъ и наследникомъ павшей подъ ударами „агарянь“ греческой монархіи. Съ утерей какъ бы вассальной зависимости отъ византійской короны должна была эмансипироваться и русская церковь отъ духовно-іерархическаго подчиненія константинопольскому патріарху. При всемірно-исторической роли, предписанной московскому государству теоріей о „Москвѣ — третьемъ Римѣ“, естественно національное возвеличеніе русской церкви являлось по преимуществу политическимъ актомъ. По византійской теоріи былъ „одинъ царь во вселенной“, этимъ царемъ дѣлается московскій князь, какъ единственный оставшійся независимымъ представителемъ греческой православной вѣры, и къ нему переходятъ функціи византійскаго императора — „браздодержателя святыхъ Божіихъ престоловъ святой вселенской церкви“. Успѣхи національнаго самовозве-

личенія въ области религіи завершился превозглашеніемъ автокефальности русской церкви (подъ управленіемъ собственного патріарха съ 1589 г.), но въ то же время приписываемая московскому государю почетная роль блюстителя отеческаго православія и охранителя національной русской церкви съ росто́мъ политическаго самосознанія и фактическимъ усиленіемъ власти московскихъ самодержцевъ превращается постепенно въ мелочную опеку государствомъ церкви, и тѣсный, неразрывный союзъ „собирателей русской земли“ съ представителями духовной власти, дружно поддерживавшими въ своихъ интересахъ ихъ политическія притязанія, замѣняются началомъ подчиненности.

Начиная съ половины XV вѣка государство замѣтно беретъ перевѣсъ надъ церковью: князь Василій Темный, какъ столпъ и опора православія, играетъ уже первенствующую роль въ охранѣ чистоты догматовъ въ эпоху флорентійской уніи, присоединенной въ Россію митрополитомъ Исидоромъ; духовный авторитетъ митрополита не является для него неприкосновеннымъ, и вмѣсто низложеннаго Исидора въ 1444 г., „по *пожеланію* государя великаго князя русскаго самодержца“ избирается свой русскій митрополитъ—Іона.

Въ XVI вѣкѣ идеи національной государственной церкви и проповѣдь союза алтаря и престола, въ жизненныхъ столкновеніяхъ неизбежно превращающагося въ подчиненіе церкви государству, получаютъ свое мѣстное теоретическое обоснованіе въ школѣ московскихъ книжниковъ—іосифлянъ, названныхъ такъ по имени основателя этой школы знаменитаго игумена Волоколамскаго монастыря. Отожествляя господство московскихъ порядковъ съ процвѣтаніемъ національной церкви, школа волоколамскихъ иноковъ санкціонируетъ вмѣшательство государства въ сферу религиозныхъ вопросовъ и въ своей практической программѣ объявляетъ авторитетъ свѣтской власти главнѣйшимъ разрѣшителемъ всѣхъ церковныхъ вопросовъ—государство не только въ правѣ, но и обязано опекать церковь. Съ точки зрѣнія іосифлянъ представитель свѣтской власти мыслится, какъ „пастырь словесныхъ овецъ Христовыхъ“, главнѣйшая задача котораго заботиться о спасеніи душъ своихъ подданныхъ.

Естественно, что московскіе самодержцы, и не отличавшіеся, подобно Грозному, „смышлениемъ быстроумнымъ“, весьма сочувственно отнеслись къ такимъ выгоднымъ для нихъ, хотя и неканоническимъ, теоріямъ и весьма скоро восприняли ихъ во всей полнотѣ. Грозный—этотъ публицистъ-государь, бывшій, по словамъ современниковъ, „въ

словесной премудрости риторъ естествословенъ“, столь любившій давать метафизическія обоснованія прерогативамъ царской власти, такъ формулируетъ въ своей перепискѣ съ теоретикомъ боярской оппозиціи — Курбскимъ, задачи государственной власти: „Тщужеса со усердіемъ люди на истину и на снѣтъ поставить, да познають единого истиннаго Бога, Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя“... Итакъ, представитель свѣтской власти видитъ въ себѣ прежде всего намѣстника Божьяго и смотритъ на свои правительственныя обязанности съ религиозной точки зрѣнія. Божье дѣло отождествляется съ государевымъ дѣломъ: нарушение царскихъ приказовъ, всякое государственное преступленіе разсматривается, какъ нарушение Божественнаго закона.

Конечно, при такихъ условіяхъ вліяніе царской власти простиралось на всѣ стороны религиозной жизни, ни одно церковное дѣло принципиально не было изъято изъ компетенціи царя, и мы видимъ полную неразграниченность двухъ вѣдомствъ, полное смѣшеніе религиозной и государственной точекъ зрѣнія. Являясь устроительницей церковной дисциплины, гражданская власть организуетъ церковныя процессіи, предписываетъ религиозные обряды, отдаетъ распоряженія относительно внутренняго благочинія и благолѣпія храмовъ, „чтобъ по святымъ церквамъ звонили и пѣли по божественному уставу“, входятъ въ разсужденіе даже относительно обычая класть на престолъ родильную сорочку и т. д. Въ видахъ охраненія неприкосновенности отеческаго православія она слѣдитъ за духовной жизнью, за движеніями совѣсти народнои массы, регламентируетъ до мелочей ея вѣрованія, осуждаетъ ереси и пр.

На знаменитомъ Стоглавомъ соборѣ, созванномъ по *иниціативѣ* свѣтской власти для пересмотра и установленія „на вѣки“ духовнаго содержанія національной церкви, идеалы волоколамскихъ пноковъ получили полное свое осуществленіе, приняли, такъ сказать, реальную форму; духовные соборы въ правленіе Грознаго явились какъ бы вѣнцомъ іосифлянской политики. Съ этихъ поръ и теоретически и практически русскій монархъ „ярко христіанскій государь — какъ гласитъ современный свѣтскій законъ,—есть хранитель догматовъ и благочинія православной церкви“.

Естественно, союзъ церкви и государства, вызванный обоюдными интересами и отвѣчающій историческому моменту, до времени не могъ быть слишкомъ обременителенъ ни для вѣрующихъ ни для самой привилегированной церкви. Въ періодъ формулировки и практическаго

осуществленія іосифлянскихъ идей, выставленная государствомъ и церковью программа совмѣстнаго сотрудничества, могла скорѣе вызвать не протестъ, а одобреніе: заботы царя о церковномъ устроеніи, его вмѣшательство въ область вѣры являлось „добрымъ и похвальнымъ дѣломъ“, признакомъ благочестія и любви, преданности къ національной церкви представителя свѣтской власти, тѣмъ болѣе, что при религиозномъ впечатлѣніи, который носила вся жизнь въ Московской Руси, эта опека въ сущности выливалась въ довольно безобидную форму*). Неизбѣжно, однако, теорія государственнога вмѣшательства съ измѣненіемъ уклада общественной жизни должна была со времени привести къ тому, что можно назвать бюрократизаціей вѣры и церкви, это и случилось.

Параллельно съ процессомъ превращенія князя-помѣщика въ царя-самодержца, процессомъ закрѣпощенія вольныхъ людей на службѣ московскаго государя и превращенія ихъ въ „государевыхъ разныхъ чиновъ людишекъ и холопишекъ“, развивался и процессъ введенія церкви въ рамки государственныхъ учреждений. Какъ добровольный союзъ съ московскимъ княземъ, вызванный тяготѣніемъ къ Москвѣ различныхъ классовъ общества по экономическимъ причинамъ, превращался въ принудительный союзъ, такъ и церковь пріобрѣтала подневольное положеніе: „нестроеніе“, т.-е. новые порядки, какъ характерно выражались наши предки, все больше и больше входило въ московскую старину. Съ внѣшней стороны этотъ процессъ проявляется въ томъ, что церковь получаетъ, въ концѣ-концовъ, устройство, скопированное съ государственныхъ учреждений.

Нѣкоторые изслѣдователи считаютъ эпоху Грознаго кульминационнымъ пунктомъ развитія теократическаго характера московскаго государства; съ учрежденіемъ патріаршества, по ихъ мнѣнію, въ отношеніяхъ государства и церкви установилось извѣстное равновѣсіе; мало того, церковь стремится къ независимости и въ XVII столѣтіи при патріархахъ Филаретѣ и Никоиѣ получаетъ даже непосредственное вліяніе на дѣла государственныйя, съ паденіемъ же Никона нарушенное было равновѣсіе вновь восстанавливается. Врядъ ли съ такой точкой

*) Для духовенства официальная поддержка со стороны свѣтской власти исключительно греко-восточнаго исповѣданія, обезпечивала богатія матеріальныя блага; услуги церкви въ первое время дорого оплачивались правительствомъ — духовенство, получи въ огромная влущества и собственный отдѣльный судъ, заняло привилегированное положеніе.

ный моментъ; возведенные на патриаршій престолъ повелѣніемъ свѣтскаго владыки, они устраняются той же властью, разъ только сдѣлались почему-либо негодными. Исторія русской церкви даетъ намъ не одинъ такой примѣръ,—только „потаковники“ царской власти держались крѣпко на своихъ мѣстахъ; „первосвятители—по выраженію Карамзина—стали угодниками царей“.

Если власть патриарха въ XVII вѣгѣ одно время пріобрѣтаетъ исключительно высокое положеніе, то это объясняется лишь случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ: тѣмъ, что на патриаршій престолъ попадаетъ лицо, находящееся въ ближайшихъ родственныхъ отношеніяхъ къ царю,—Филаретъ, который, пользуясь слабоодаренностью своего сына, становится у кормила правленія государствомъ, или тѣмъ, что патриаршій престолъ занимаетъ колоссальная фигура Никона, „собиннаго“ друга царя и въ то же время человѣка сильнаго ума и желѣзной воли. Эти патриархи именуются наравнѣ съ царемъ „великими государями“, берутъ на себя функціи свѣтской власти и такимъ образомъ создаютъ государство въ государствѣ—двоевластіе. Но такое исключительное положеніе патриархъ занимаетъ не въ силу своего сана, а въ силу лишь своихъ личныхъ качествъ и довѣрія царской самодержавной власти,—онъ не болѣе какъ всесильный временщикъ.

Чувствуя шаткость своего положенія, Никонъ попытался дать теоретическое обоснованіе своего могущества и явился у насъ проповѣдникомъ теоріи папизма. Для Никона „священство“ выше „царства“: свѣтскую власть можно уподобить лунѣ, а духовную—солнцу. Однако время было слишкомъ неблагоприятно для развитія ультрамонтанскихъ ученій. Царская политика была уже освящена вѣковой традиціей, государственная власть распространила свою компетенцію на всѣ стороны общественной жизни, и поэтому въ области церковныхъ притязаній всѣ шансы успѣха были на ея сторонѣ. Въ моментъ превозглашенія гордыхъ теорій независимости церкви вопросъ уже давно былъ рѣшенъ, какъ вѣрно замѣчалъ самъ Никонъ: „Божіе достояніе и Божій судъ были переписаны на царское имя“.

Тѣсная дружба Алексѣя съ Никономъ отодвинула на нѣкоторое время неизбежное столкновеніе свѣтской и духовной власти, но когда произошелъ разрывъ въ личныхъ отношеніяхъ царя и патриарха, борьба церкви и государства приняла болѣе питенсивную форму и закончилась полнымъ торжествомъ свѣтской власти, т.-е. крушеніемъ всплывшихъ идей папо-цезаризма. Духовный соборъ 1667 г., которому, въ присут-

ствѣ вселенскихъ патріарховъ, былъ переданъ для теоретическаго разрѣшенія вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ государства и Церкви, отвергъ идею второго государя „самодержцу равнаго и большаго“ и постановилъ, что въ свѣтскихъ дѣлахъ одинъ царь владыко, и что патріархъ всецѣло повинуется свѣтской власти въ политическихъ рѣшеніяхъ. Правда, согласно византійскимъ идеаламъ, соборъ теоретически провозгласилъ принципъ невмѣшательства свѣтской власти въ церковныя дѣла; разграничивая сферу компетенціи обоихъ вѣдомствъ, соборъ даже возстановилъ прежнюю гражданскую и уголовную юрисдикцію духовенства. Помѣстный соборъ 1675 г. упразднилъ и Монастырскій Приказъ. Но такое возвращеніе къ старой практикѣ было лишь временными уступками со стороны правительства, не имѣвшими большаго фактическаго значенія, и на очень короткое время отсрочивало окончательную развязку. Общій ходъ событій давно уже предрѣшалъ исходъ борьбы свѣтской власти съ духовной въ пользу государственнаго вмѣшательства, и эта окончательная развязка произошла, когда государственныя идеи получили преобладающее значеніе, и представителемъ свѣтской власти сдѣлался рѣшительный Преобразователь, считавшій себя первымъ слугою государства и требовавшій такой же службы отъ церкви.

При ничтожествѣ послѣднихъ патріарховъ Петру ничего не стоило собственной властью уничтожить санъ патріарха.

Быть-можетъ, въ своей церковной реформѣ Преобразователь, любившій иностранныя образцы, и руководился примѣромъ протестантской церкви, но, какъ бы то ни было, учрежденіе Синода, санкціонируя полное подчиненіе церкви подъ „самодержавнаго монарха“, завершало собою вѣковой процессъ. Индифферентный къ вопросамъ религіи, Петръ не былъ склоненъ, подобно своимъ предшественникамъ, брать лично на себя религіозно-правственное руководство своими подданными, его чрезвычайно мало интересовалъ вопросъ: надо ли класть на престолъ родильную сорочку или нѣтъ, его государство носило уже полицейскій характеръ и не считало себя, какъ прежде, лишь „свѣтской стороной православно-церковнаго организма“. „Полицейское государство“— по замѣчанію проф. Рейснера,—перенесло центръ тяжести изъ вѣроисповѣдной сферы въ область полицейскаго благочинія“... Однако и Петръ, вѣрный выгоднымъ для свѣтской власти традиціямъ Московской Руси, мыслить себя „крайнимъ судьей“ въ духовныхъ дѣлахъ. „Богу изволившу исправлять мнѣ гражданство и духовенство, я имъ обою—государь и патріархъ... въ самой древности сіе было совокупно“, заявлялъ

самъ Петръ: онъ хотѣлъ быть „единственнымъ начальникомъ“ русской церкви, „булатнымъ патриархомъ“. Петръ, какъ гласилъ Указъ 25 января 1721, изъ страха отвѣтственности передъ Богомъ долженъ приступить къ исправленію „чина церковнаго“.

Съ учрежденіемъ въ 1711 г. правительствующаго Сената Петръ въ это учрежденіе передалъ и свои функціи главы церкви; исполняя быдую роль московскихъ царей, Сенатъ наблюдаетъ за совѣстью русскихъ гражданъ и непосредственно вмѣшивается, помимо мѣстоблюстителя патриаршаго престола и освященнаго собора епископовъ, въ устройство церковнаго чина: Сенатъ заботится о посвященіи монаховъ въ архимандриты, о ежегодномъ говѣнн населенія и т. д. На практикѣ такія функціи для Сената, конечно, были слишкомъ обременительны, почему Петръ, недовольный многими „нестроеніями“, предпочелъ учредить въ 1721 г. специальную духовную коллегію, „сильное правительство“, которая должна была дѣйствовать лишь именемъ монарха. Эта духовная коллегія и была вскорѣ переименована въ Синодъ, при чемъ монарха, въ качествѣ „ока государева“, замѣнилъ въ 1722 г. „добрый человекъ изъ офицеровъ“, — оберъ-прокуроръ.

Въ полицейскомъ государствѣ Петра, однако, былъ проведенъ принципъ коллегіальности, и каждое начальствующее лицо являлось у него „не яко владыко, но яко президентъ“. Такимъ образомъ Синодъ, замѣнившій „выборное“ патриаршество и составленный, по выраженію Духовнаго Регламента, изъ „лицъ отъ высочайшей власти утвержденныхъ“, все же являлся первоначально самоуправляющимся учрежденіемъ. Но и этотъ оттѣнокъ самоуправления съ развитіемъ полицейско-бюрократическаго режима въ Россіи постепенно ступшеывался. „Премудрая мать отечества“, Екатерина II, окончательно уничтожила самостоятельность духовной власти и закабалила ее на службѣ полицейскаго государства. Въ знаменитой рѣчи, обращенной къ Синоду, послѣ осужденія митрополита ростовскаго и ярославскаго, Арсенія Мацѣевича (одного изъ враговъ церковныхъ реформъ Петра и секуляризаціи монастырскихъ имуществъ), Екатерина заявляетъ, что архіереи — не служители алтаря, не духовные сановники, но „государственные особы“ — „вѣрнѣйшіе подданные“; для нихъ, по мнѣнію Екатерины, власть монарха должна быть выше законовъ евангельскихъ.

Отнынѣ русская церковь должна быть лишь орудіемъ государственной власти, должна служить ей политическимъ видамъ; въ актѣ

наслѣдія-престола Павелъ I открыто уже именуется „Главою Церкви“¹⁾.

Церковь должна превратиться въ простое вѣдомство и сдѣлаться лишь отраслью бюрократическаго управленія. Въ этомъ вѣдомствѣ должны быть только чиновники, — за свое усердіе жалуемые орденами (начиналъ съ Павла) и подчиненные высшему чиновнику. Такимъ начальствующимъ лицомъ „изъ стряпчачаго въ дѣлахъ государственныхъ“ сдѣлался въ 1824 г. оберъ-прокуроръ Св. Синода, получившій портфель самостоятельнаго министра. Съ тѣхъ поръ все, что касается совѣсти русскихъ обывателей, вершится въ канцеляріяхъ оберъ-прокурора и Министерства Внутреннихъ дѣлъ. Жандармскій штабъ-офицеръ въ эпоху господства Николаевской солдатчины считается наиболѣе компетентнымъ лицомъ при разрѣшеніи наиболѣе важныхъ вопросовъ вѣроисповѣданія.

Закабаленіе „пастырей духовныхъ“ на службу государства имѣло прежде всего самыя тяжелыя и роковыя послѣдствія для православной церкви.

„Служители алтаря“—правительственная „команда“, какъ характерно именовались они въ официальныхъ актахъ XVIII вѣка, облеклись въ мундиръ полицейскаго чиновника. Чрезвычайно мѣтко и ярко охарактеризованы тѣ этапы, которые проходила православная церковь въ теченіе вѣкового процесса подчиненія свѣтскимъ интересамъ, Вл. Соловьевымъ: „Сначала, при Никонѣ, она (церковь) тянулась за государственной короной²⁾; потомъ крѣпко схватилась за мечъ государственный и „наконецъ“ принуждена была надѣть государственный мундиръ“. Конечно, въ полицейскомъ государствѣ этотъ мундиръ былъ мундиромъ полицейскаго чиновника...

Превратившись въ „колоссальную канцелярію“ съ неизбежной, по словамъ И. Аксакова, „канцелярской официальной ложью“, церковь,

1) Уже Духовный Регламентъ требуетъ отъ членовъ Синода, какъ отъ правительственныхъ чиновниковъ, присяги: „по крайнему разумѣнію и возможности предостерегать и оборонять всѣ права и преимущества, принадлежащія къ высокому Его Царскаго Величества Самодержавства силѣ и власти, не щадя, если требуется, и своей жизни“.

2) По выраженію Духовнаго Регламента, патріархъ захотѣлъ сдѣлаться „вторымъ государемъ, Самодержавцу равносильнымъ или больше его“, не только въ духовныхъ, но и мірскихъ дѣлахъ.

по идеѣ блюстительница законовъ высшей правственности и совѣсти, явилась горячей защитницей самодержавно-бюрократическаго порядка, безправія и насилія въ русской жизни; она сдѣлалась врагомъ прогрессивной мысли и проповѣдницей приниженности человѣческой мысли во имя охраны неприкосновенности устоевъ стараго, отжившаго общественаго порядка. Она сдѣлалась врагомъ свободы... Она предавала „анаемѣ“ дѣятелей великаго освободительнаго движенія и своимъ духовнымъ авторитетомъ пыталась санкціонировать правительственныя казни. Такъ поступала церковь еще недавно. Такъ поступала она всегда. Когда вожди первыхъ глашатаевъ политической свободы въ Россіи, декабристовъ, погибли на плахѣ, и тѣла ихъ ночью были выброшены въ яму съ растворенной известью,—„на слѣдующій день церковь возблагодарила Бога за пролитую кровь“. Петербургскій же митрополитъ Серафимъ, „скача и пляша отъ избытка духовнаго веселія“, объявилъ Николая I „истиннымъ христіанномъ“, а декабристовъ—„извергами, исчадіемъ ада, сынами дьявола“... Когда русская интеллигенція выступила противъ рабскаго крѣпостнаго права, церковь оставалась пассивной зрительницей и учила народъ лишь подчиняться своему подневольному положенію. И въ наши ¹⁾ дни большинство православнаго духовенства играло весьма печальную роль въ исторіи освободительнаго движенія; своимъ реакціонными проповѣдями съ церковныхъ кафедръ оно возбуждало ненависть однихъ слоевъ населенія противъ другихъ. Съ кафедръ, откуда должны были исходить слова любви и братства, раздавались призывы провозвести контръ-революцію, неслись кровавыя рѣчи—призывы къ избіенію „враговъ отечества“, т.-е. всѣхъ борющихся въ рядахъ освободительнаго движенія. Въ періодъ самаго разгара страстей служители алтаря заботились не о примиреніи враждующихся сторонъ,—они зывали лишь къ самымъ низменнымъ страстямъ темной народнои массы.

Церковь слѣпо, по-рабски, исполняла велѣнія власти. Такую переписку „Божьяго царства“ на государево имя православная церковь окончательно признала еще двѣсти лѣтъ назадъ. Когда Петръ рѣшилъ казнить сына своего Алексѣя, онъ обратился къ Синоду, и послѣдній далъ рѣдко характерный отвѣтъ: „Сіе дѣло не нашего суда, ибо кто насъ поставилъ судьями надъ тѣми, кто нами *обладаетъ*“...

1) Это писалось въ 1905 г.

Рабы должны повиноваться безпрекословно, и когда Указомъ 1716 года, дважды повтореннымъ черезъ 2 года и 1722 г., было повелѣно духовнымъ пастырямъ доносить губернаторамъ о томъ антиправительственномъ, что будетъ имъ сказано на исповѣди ¹⁾, священнослужители, дѣйствительно, стали исправно отправлять полицейскія функции; они сдѣлались „сыщиками и дозорщиками Преображенскаго Приказа“. Таковыми въ сущности и впредь осталось большинство представителей господствующей церкви ²⁾...

Немудрено, что церковь впала въ „параличъ“, по выраженію Достоевскаго, и потеряла послѣдніе остатки духовнаго авторитета. И, не имѣя творческой силы для борьбы съ релігиозными разномысліями, она усиленно взывала къ помощи той свѣтской власти, которая привела ее къ нравственному безсилію. Для еретиковъ она требовала „градскаго наказанія, сырѣчь казни“. За недостаткомъ духовныхъ средствъ она еще при Петрѣ получила въ свое распоряженіе „гвардію сержанта и 26 солдатъ“... Казнями, тюрьмами и ссылками вѣками обезпечивалось виѣшнее, видимое господство національной государственной церкви и казеннаго вѣроисповѣданія.

1905 г.

1) Политическое соглядатайство и доносъ были введены еще въ Духовный Регламентъ его составителемъ,—дѣйствительно злымъ гениемъ русской церкви, ея первымъ торквемадой, Теофаномъ Прокоповичемъ: „Ежели кто на исповѣди,—гласить Регламентъ,—духовному отцу своему нѣкое зло и нераскаянное умышленіе на честь и здравіе государево, наипаче же на бунтъ или измѣну объявить, то долженъ донести вскорѣ о томъ, гдѣ надлежитъ, въ Преображенскій Приказъ или Тайную Канцелярію. Ибо симъ объявленіемъ не порокуется исповѣдь (іезуитски *пытается* дать оправданіе такому нарушенію таинства исповѣди *наивный составитель регламента*), и духовникъ не преступаетъ правилъ свангельскихъ, но еще исполняетъ ученіе Христа: „Обличь брата, аще же не послушаетъ, повѣждь Церкви“. Когда уже о братнемъ согрѣшеніи Господь повѣдѣваетъ, то колыми паче о злодѣйственномъ на государя умышленіи“.

2) До послѣдняго времени существовалъ циркуляръ Синода, повелѣвающей полковымъ священникамъ доносить о томъ, что имъ будетъ открыто на духу.